

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2013
XXII**

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
868
EXPRESS-ISSUE

СОДЕРЖАНИЕ

- 981-986 Поздние кладки овсянки-крошки *Emberiza pusilla* на севере Западной Сибири.
М. Г. ГОЛОВАТИН, С. П. ПАСХАЛЬНЫЙ
- 987-998 К вопросу о вероятных путях проникновения предковой формы кавказского тетерева *Lyrurus mlokosiewiczi* на Кавказ. Г. С. ДЖАМИРЗОВ
- 998-999 Туркестанский белый аист *Ciconia ciconia asiatica* в Бугуньском районе (Южный Казахстан).
С. Л. СКЛЯРЕНКО, В. А. МОРОЗОВ
- 999-1000 Репродуктивные показатели садовой камышевки *Acrocephalus dumetorum* в городской и пригородной зонах Томска. Б. Д. КУРАНОВ
- 1000 Залёт колпицы *Platalea leucorodia* в Павлодарское Прииртышье. А. О. СОЛОМАТИН
- 1000-1001 Колпица *Platalea leucorodia* в низовьях Сырдарьи и Тургая. А. Н. ПОСЛАВСКИЙ
- 1001 О гнездовании большого крохалея *Mergus merganser* в среднем течении реки Ульбы (Западный Алтай).
Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

CONTENTS

- 981-986 Late clutches of the little bunting *Emberiza pusilla* in the north of Western Siberia.
M. G. GOLOVATIN, S. P. PASKHALNY
- 987-998 On the probable ways of penetration
of an ancestral form of the Caucasian black
grouse *Lyrurus mlokosiewiczzi* to the Caucasus.
G. S. DZHAMIRZOEV
- 998-999 The Turkistan white stork *Ciconia ciconia asiatica*
in the Bugunsky Raion (South Kazakhstan).
S. L. SKLYARENKO, V. A. MOROZOV
- 999-1000 Reproductive parameters of the Blyth's reed warbler
Acrocephalus dumetorum in urban and suburban
zones of Tomsk. B. D. KURANOV
- 1000 A vagrant white spoonbill *Platalea leucorodia*
in Pavlodar Priirtyshie. A. O. SOLOMATIN
- 1000-1001 The white spoonbill *Platalea leucorodia*
in the lower reaches of the Syr Darya and Turgay.
A. N. POSLAVSKY
- 1001 The goosander *Mergus merganser* nests
in the middle reaches of the Ulba (West Altai).
N. N. BEREZOVIKOV
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Поздние кладки овсянки-крошки *Emberiza pusilla* на севере Западной Сибири

М.Г.Головатин, С.П.Пасхальный

Михаил Григорьевич Головатин. Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской Академии наук, ул. 8 Марта, д. 202, Екатеринбург, 620144.

E-mail: golovatin@ipae.uran.ru

Сергей Петрович Пасхальный. Экологический стационар Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук, ул. Зеленая Горка, д. 21, г. Лабытнанги Ямало-Ненецкого авт. округа, 629400. E-mail: spas2006@yandex.ru

Поступила в редакцию 1 апреля 2013

Овсянка-крошка *Emberiza pusilla* – вид с растянутыми сроками размножения. После неудачного гнездования самка может приступить к повторному откладыванию яиц. Кроме того, у этого вида отмечена факультативная бициклия, т.е. отдельные случаи двукратного размножения – выкармливания двух выводков за сезон (Зимин 1988). Надо отметить, что строгую грань между повторными (компенсаторными) и собственно вторыми кладками провести сложно, поскольку птицы могут вновь устроить гнездо, по сути дела, на любой стадии цикла размножения после гибели яиц, птенцов и даже слётков, подкармливаемых родителями. Разница лишь в том, что при разорении гнёзд с яйцами овсянки-крошки делают повторные кладки, оставаясь на своих прежних территориях, а при потере птенцов – покидают её (Рябицев 1993). Как показали специальные эксперименты, при исчезновении самки самцы также остаются на своих территориях вплоть до конца июля, при этом им иногда удаётся сформировать пару и вновь загнездиться (Рябицев, Шубенкин 1986).

Наиболее позднее гнездование овсянки-крошки отмечено в самом конце июля – начале августа: Н.А.Гладков (1962) говорит о находке гнезда с 4 слепыми птенцами 31 июля у Воркуты, В.К.Рябицев (1993) – гнезда с яйцами в конце июля на Среднем Ямале, Л.А.Портенко (1937) – гнезда с голыми птенцами в первых числах августа и о выводках в сентябре на Приполярном Урале.

Обычно у птиц северных широт бициклия, а также компенсаторное гнездование после неудачной попытки на поздних стадиях размножения не носит массового характера, за исключением небольшого числа видов (рюм *Eremophila alpestris*, чечётка *Acanthis flammea*). В связи с вышесказанным нам показалось интересным обсудить находки поздних Гнёзд и выводков овсянки-крошки в 2012 году.

Овсянка-крошка – один из наиболее массовых видов на севере Западной Сибири. При обсуждении особенностей размножения этого вида

мы основываемся на результатах наблюдений, полученных нами за последние 12 лет, а также на некоторых опубликованных материалах за другие годы. Продолжительность периода инкубации у овсянки-крошки – 10-14, выкармливания птенцов – 9-11 дней (Рябицев 2001). Используя эти значения, можно из разнородных сведений о находках гнёзд, появлении птиц с кормом, слётков, резкой смены характера активности (усиления беспокойства) в период откладки яиц определить окончание основного этапа периода размножения, выраженное, например, в сроках массового появления слётков. Эти сроки для овсянки-крошки на Полярном Урале и в Нижнем Приобье в разные годы представлены в таблице и на рисунке 1.

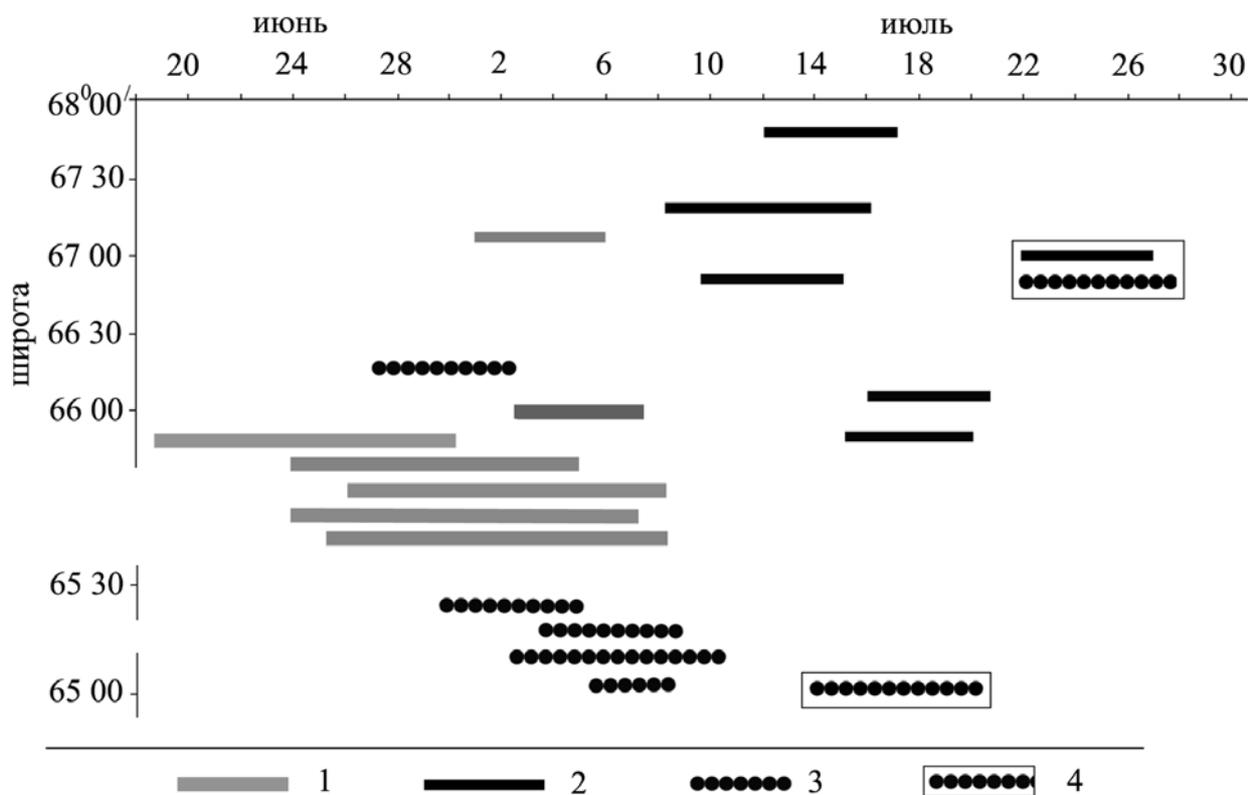

Рис. 1. Сроки появления слётков у овсянки-крошки *Emberiza pusilla* в различных частях севера Западной Сибири и Полярного Урала. 1 – Нижнее Приобье и предгорья Полярного Урала, 2 – Полярный Урал, 3 – пойма Нижней Оби, 4 – поздние кладки в 2012 году.

Из рисунка и таблицы видно, что массовое появление слётков овсянки-крошки после первого (основного) этапа размножения несколько различается на равнине (Нижнее Приобье, пойма Нижней Оби и предгорья Полярного Урала) и в горах Полярного Урала. На равнине оно обычно приходится на период с 24 июня по 10 июля, в отдельные годы сдвигается на более ранние сроки, что, очевидно, связано с характером течения весенних процессов и ранним началом размножения. Так, в 2005 году на стационаре «Войкар» массовый вылет птенцов из гнёзд происходил 19-30 июня, несмотря на то, что сроки прилёта

птиц оказались вполне обычными: первую песню слышали 23 мая при средней дате 24.6 мая ± 4.3 дня ($n = 21$). В этом году весна протекала очень бурно – переход через 0°C был 10 мая без последующих похолоданий, ледоход на реке Войкар – 18 мая, а листья на берёзах в массе появились уже через 5 дней – 23 мая. Подобная весна за 21 год наблюдений была всего 2 раза – в 1993 и 1994 годах. В горах гнездование сдвинуто на несколько дней и, соответственно, сроки массового вылета птенцов происходят 7-20 июля.

Сведения о массовом гнездовании и расчётные сроки массового появления слётков у овсянки-крошки в разные годы на Полярном Урале, Нижнем Приобье и Ямале

Место	Год	Данные	Источник	Появление слётков
Полярный Урал (67°56'N 66°34'E)	2002	3-6.07 – вылупление	Головатин, Пасхальный 2005	12-17.07
Полярный Урал (67°18'N 66°43'E)	2004	30.06-5.07 – вылупление	Головатин, Пасхальный 2005	9-16.07
Предгорья П. Урала (67°01'N 64°34'E)	2000	6.07 – слётки и выводки	Морозов 2003	1-6.07
Полярный Урал (66°43'N 64°23'E)	2000	15.07 – слётки и выводки	Головатин, Пасхальный 2005	10-15.07
Полярный Урал (66°04'N 66°22'E)	2003	6-10.07 – вылупление	Головатин, Пасхальный 2005	16-21.07
Полярный Урал (65°44'N 62°26'E)	2001	6-11.07 – вылупление	Головатин, Пасхальный 2005	15-20.07
Н. Приобье (65°59'N 63°46'E)	1989	24-26.06 – вылупление	Головатин, Пасхальный 2005	3-7.07
Н. Приобье (65°46'N 64°02'E)	2005	30.5-5.06 – откладка яиц	Наши данные	19.06-30.06
Н. Приобье (65°46'N 64°02'E)	2006	5-10.06 – откладка яиц	Наши данные	24.06-5.07
Н. Приобье (65°46'N 64°02'E)	2007	7-13.06 – откладка яиц	Наши данные	26.06-8.07
Н. Приобье (65°46'N 64°02'E)	2008	5-12.06 – откладка яиц	Наши данные	24.06-7.07
Н. Приобье (65°46'N 64°02'E)	2009	6-13.06 – откладка яиц	Наши данные	25.06-8.07
Пойма Оби (66°43'N 67°34'E – 66°49'N 68°40'E)	2011	18-21.06 – вылупление	Наши данные	27.06-2.07
Пойма Оби (65°26'N 64°56'E)	2004	10.06 – откладка яиц	Наши данные	29.06-5.07
Пойма Оби (65°26'N 64°56'E)	2005	10.06 – откладка яиц	Наши данные	29.06-5.07
Пойма Оби (65°26'N 64°56'E)	2008	14.06 – откладка яиц	Наши данные	3-9.07
Пойма Оби (65°16'N 64°01'E – 65°26'N 64°56'E)	2009	13-15.06 – откладка яиц	Наши данные	2-10.07
Пойма Оби (64°34'N 65°16'E – 65°30'N 65°11'E)	2012	26-27.06 – вылупление	Наши данные	5-8.07

П о я с н е н и е : слётками мы считаем птенцов после вылета из гнезда, выводки – выведшиеся в одном гнезде молодые птицы, которые ещё продолжают держаться вместе с родителями.

Если учесть время вождения выводков до их распада – около 5-16 дней (Cramp *et al.* 1994), обычно 5-10 дней, а также продолжительность инкубации и выкармливания (19-25 дней), то слётков второго цикла размножения следует ожидать спустя 24-35 дней. В 2012 году это соответствовало периоду с 29 июля до 12 августа.

В этот год на Нижней Оби (66°43' с.ш., 68°06' в.д.) мы обнаружили поздние гнёзда овсянок-крошек 6 и 7 июля. В одном гнезде было 3 недавно отложенных яйца, в другом – 4. Шло насиживание, т.е. это была полная кладка. Можно рассчитать, что вылет птенцов в этих гнёздах должен был произойти 22-28 июля.

Южнее (65°32' с.ш., 65°06' в.д. – 65°35' с.ш., 64°38' в.д.) 23-24 июля 2012 мы наблюдали летающих молодых овсянок-крошек и выводки в сопровождении взрослых. Птицы тут и там держались в островках леса и на ивняковых гривах. По расчётам, массовый вылет из гнёзд у них произошёл 13-20 июля.

Рис. 2. Гнездо овсянки-крошки *Emberiza pusilla* с 3 яйцами.
Полярный Урал, 16 июля 2012. Фото авторов.

В горах Полярного Урала (67°04' с.ш., 65°32' в.д.) 14-16 июля были найдены 4 гнезда овсянки-крошки. В двух из них были кладки – 3 и 4 яйца (рис. 2), в одном шло вылупление – 1 птенец и 2 яйца (рис. 3), ещё в одном было 4 птенца в возрасте 2-3-сут (рис. 4). Три гнезда располагались компактно в ерниковой тундре недалеко от края каньона с ручьём внизу. Расстояние между гнёздами составляло 40 и 50 м. На расстоянии 110 м от группы этих гнёзд активно беспокоилась ещё одна пара. В гнезде, найденном на удалении от этой группы, 15 июля находилось 4 яйца. Расчётные даты появления слётков – 22-27 июля, т.е. такие же, как на этой широте в пойме Оби (см. рис. 1).

Рис. 3. Гнездо овсянки-крошки *Emberiza pusilla* в момент вылупления (1 птенец и 2 яйца). Полярный Урал, 14 июля 2012. Фото авторов.

Рис. 4. Гнездо овсянки-крошки *Emberiza pusilla* с 4 птенцами. Полярный Урал, 16 июля 2012. Фото авторов.

Сравнение указанных сроков вылета птенцов с ожидаемыми при втором цикле размножения показывает, что в нашем случае, в 2012 году, мы имели дело с повторными («компенсаторными») кладками, которые птицы устроили после гибели птенцов и выводков при первой попытке гнездования. В этой ситуации интересными являются следующие моменты. Во-первых, гибель птенцов и выводков носила достаточно массовый характер, т.е. у многих птиц первая попытка размножения оказалась неудачной. Во-вторых, каких-либо экстремальных погодных явлений в этом году не наблюдалось. Напротив, сезон был

одним из самых ранних и тёплых. Первый переход температуры воздуха через 0°C отмечен 2 апреля, первый дождь – 9 мая, а первая гроза – 29 мая, когда дневная температура воздуха достигла +22°C. Ледоход на Оби у Салехарда начался 19 мая и закончился на следующий день, т.е. на неделю раньше средней многолетней даты. Июнь выдался очень тёплым – в середине месяца температура воздуха днём достигала +31°C. Июль был более прохладным и ветреным. Число дней со средней температурой свыше +18°C в июне составило 14, в июле – 9. Видимо, это и оказало отрицательное влияние на выживаемость слётков. При раннем наступлении тёплой погоды на севере переход насекомых в более активное, взрослое состояние сдвигается на ранние сроки, и, соответственно, доступность пищи для птиц, особенно молодых, снижается (Головатин 2007; Golovatin 2002). Вполне вероятно, что и общее обилие насекомых было небольшим, т.к. уровень половодья в этом году оказался самым низким за последние 118 лет. Обсыхание поймы Оби, которое произошло уже к середине июня, по всей видимости, отразилось на развитии насекомых, многие из которых на севере связаны с водой.

Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН № 30 (проект 12-П-4-1043).

Л и т е р а т у р а

- Гладков Н.А. 1962. Материалы по птицам окрестностей Воркуты (восток Большеземельской тундры) // *Орнитология* 4: 15-28.
- Головатин М.Г. 2007. Динамика численности воробьиных птиц Нижнего Приобья в соответствии с погодными условиями // *Динамика численности птиц в наземных ландшафтах*. М.: 122-128.
- Головатин М.Г., Пасхальный С.П. 2005. *Птицы Полярного Урала*. Екатеринбург: 1-560.
- Зимин В.Б. 1988. *Экология воробьиных птиц Северо-Запада СССР*. Л.: 1-184.
- Морозов В.В. 2003. К орнитофауне Полярного Урала // *Рус. орнитол. журн.* 12 (212): 143-169.
- Портенко Л.А. 1937. *Фауна птиц внеполярной части Северного Урала*. М.; Л.: 1-254.
- Рябицев В.К. 1993. *Территориальные отношения и динамика сообществ птиц в Субарктике*. Екатеринбург: 1-296.
- Рябицев В.К. 2001. *Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель*. Екатеринбург: 1-608.
- Рябицев В.К., Шубенкин В.П. 1986. Территориальное поведение как регулятор плотности и пространственной структуры популяции овсянки-крошки // *Регуляция численности и плотности популяций животных Субарктики*. Свердловск: 55-70.
- Cramp S., Perrins C.M., Brooks D.J. et al. 1994. *Handbook of the Birds of Europe, the Middle East, and North Africa: the Birds of the Western Palearctic. Vol. IX. Buntings and New World Warblers*. Oxford Univ. Press: 1-488.
- Golovatin M.G. 2002. Population dynamics of passerines in the subarctic conditions // *Avian Ecol. and Behav.* 8: 23-34.

К вопросу о вероятных путях проникновения предковой формы кавказского тетерева *Lyrurus mlokosiewiczi* на Кавказ

Г.С.Джамирзоев

Гаджибек Сефибекович Джамирзоев. Государственный природный заповедник «Дагестанский», ул. Гагарина, д. 120, Махачкала, 367010, Дагестан, Россия. E-mail: dzhamir@mail.ru

Поступила в редакцию 1 апреля 2013

Несколько лет назад, изучая историю формирования эндемичных видов птиц на Кавказе, нами было высказано предположение о предкавказском пути заселения Кавказа предковой формой кавказского тетерева (Джамирзоев 2004), позднее изложенное в несколько исправленном виде (Джамирзоев 2009). Высказывая свою точку зрения, мы никоим образом не отвергали оригинальную и аргументированную гипотезу Р.Л.Потапова (1985) о малоазиатском пути проникновения кавказского тетерева *Lyrurus mlokosiewiczi*, указывая лишь, что есть основания для иных взглядов на вероятные пути проникновения на Кавказ предковой формы этого эндемичного вида. Тем не менее, реакция автора на нашу публикацию (Потапов 2008) оказалась очень критичной и требующей некоторых пояснений.

В самом начале своей статьи Р.Л.Потапов (2008) пишет следующее: «В частности, было высказано мнение, что тетерев проник на Кавказ не по горным цепям анатолийских хребтов с Балкан, но с севера, со стороны южнорусских и украинских степей (Липкович 1999; Джамирзоев 2004). При этом не приведено никаких фактов, подтверждавших такую точку зрения, кроме сомнительного соображения, что так для него (т.е. для кавказского тетерева) было бы удобнее и короче».

Речь, конечно же, идёт не о проникновении кавказского тетерева, а о его предковой форме. И исходили мы не из предположения, что «так было удобнее и короче», а указали, что гипотеза о проникновении на Кавказ именно «специализированного горного» предка кавказского тетерева через горы Южной Европы и Малую Азию не подтверждена палеонтологическими или иными доказательствами, а географически более близким и экологически допустимым представляется «предкавказский» путь заселения Большого Кавказа предковой формой.

Какие ещё факты требуются для высказывания этой гипотезы, если ныне встречающийся севернее полевой тетерев *Lyrurus tetrrix* этим же путём проник на Северный Кавказ? Вот что пишет по этому поводу А.В.Михеев (1952) «На Северном Кавказе тетерев прежде был распространён как в Ставропольских и Кумских лесах, так и в Кубанских и

Терских степях. На юг он проникал до предгорий Скалистого хребта». То есть успешное проникновение через Предкавказье тетерев продемонстрировал уже в историческое время. Это позволяет предположить, что даже в природно-климатических условиях, достаточно близких к современным, тетерев легко может проникнуть из степей юга европейской части России в Предкавказье и на Северный Кавказ. Не говоря уже о более холодных геологических периодах.

Далее Р.Л.Потапов (2008) комментирует вырванную из контекста фразу: «Г.С.Джамирзоев предлагает следующую схему событий и их хронологию. Он исходит из того, что Кавказ к концу третичного периода был изолирован от «глобального орнитологического фауногенеза территорий» и потому его фауна бедна эндемиками. Однако для всякого профессионального зоогеографа ясно, что именно изоляция ведёт к росту эндемизма фауны той или иной территории. Тем более что изоляции и не было, к чему мы вернёмся далее».

На самом деле в нашей работе (Джамирзоев 2004) написано следующее: «К концу третичного периода, когда процесс формирования практически всех родов и большинства современных видов птиц уже был завершён (Дементьев, 1958; Wetmore, 1959; Ильичев, Карташев, Шилов, 1982; Кэрролл, 1993), Кавказ всё ещё оставался сравнительно изолированной от глобального орнитологического фауногенеза территорией. Возможно, здесь кроется одна из причин слабой эндемичности орнитофауны Кавказа. Последующие плейстоценовые изменения климата и ландшафтов смогли сформировать здесь лишь небольшое число эндемичных видов птиц, хотя природные условия, казалось бы, позволяли создавать значительно больше специализированных кавказских форм». Профессиональные зоогеографы пока это не оспаривали. Р.Л.Потапов, говоря, что изоляции не было, пишет следующее: «В миоцене восточная часть южной Европы представляла собой обширный массив суши, так называемую Эгеиду, включавшую в себя Альпы, Балканский полуостров, территорию, ныне покрытую Эгейским морем, и Малую Азию. В начале же плиоцена к этой суше прибавился и Кавказ, бывший в миоцене островом, а затем превратившийся в полуостров Малой Азии». То есть Кавказ к концу третичного периода всё-таки оставался сравнительно изолированной территорией, и туда не могли попасть многие «молодые» виды птиц, обитавшие на севере Палеарктики. Повторим ещё раз, что скорее всего, здесь кроется одна из причин слабой эндемичности орнитофауны Кавказа.

Много интерпретаций приводит Р.Л.Потапов и касательно событий, происходивших на Кавказе в позднем плиоцене и раннем плейстоцене, и касательно временных датировок. Хронология третичного и четвертичного периодов много раз пересматривалась, и до сих пор не имеет чётко установленных и общепризнанных временных рамок. Поэтому

мы сознательно не приводили временную привязку и не писали, сколько миллионов или сотен тысяч лет назад произошло то или иное событие. Расчёты датировок в зависимости от условий осадконакопления, качества используемого материала, методики и т.д. дают зачастую расхождения в десятки, а то и в сотни тысяч лет. Оперировав ими без должной надобности, мы можем ввести в заблуждение читателя, ничего существенного при этом не прояснив. Но самое главное – это не меняет сути нашего предположения о том, что предок кавказского тетерева попал на Кавказ с первыми похолоданиями в конце плиоцена. Дискуссия о временных датировках этого события только уводит нас в сторону. Поэтому продолжаем обсуждение событий прошлого без «точных» временных привязок.

Связующий коридор между Кавказом, Восточной Европой и Западной Сибирью сохранялся до начала Агчагыльской трансгрессии. По одной из гипотез, причиной подъёма уровня Каспийского моря было, по-видимому, оледенение на дальнем севере Европы, что преградило путь рекам на север и направило их в сторону Каспия (Монин 1979). То есть, вероятнее всего, сначала произошло значительное похолодание климата, потом начался подъём уровня Каспийского моря. По другой гипотезе, трансгрессивные фазы акчагыла были связаны с гляциоэвстатическими трансгрессиями Мирового океана. Предполагается, что с данными трансгрессиями были синхронны три фазы потепления климата 3.3-2.9; 2.4-2.0 и 1.8-1.6 млн. лет назад, которые были разделены двумя фазами регрессий и похолоданий, когда с севера проникали холодные элементы фауны (лемминги) и флоры (тайга) (Чепалыга 1980). При этом в соотношении колебаний уровней бассейнов и климатических колебаний установлена определённая закономерность (Чепалыга 1980). При связи с океаном, даже ограниченной, трансгрессии и осолонения бассейнов сопровождались потеплениями, а регрессии – похолоданиями климата. Эти взаимосвязи реализуются через гляциоэвстатические колебания уровня океана и глобальные климатические колебания. Когда бассейны Паратетиса полностью изолировались от океана, вступал другой механизм колебаний уровня, связанный с водным балансом водоёмов и их водосборных бассейнов. В этом случае колебания уровня обычно находятся в противофазе с бассейнами, связанными с мировым океаном: потепления сопровождались регрессиями, а похолодания – трансгрессиями замкнутых бассейнов (Чепалыга 1988).

Именно в это время, при первых сильных похолоданиях позднего плиоцена, предковая форма кавказского и полевого тетерева могла расширить свой ареал почти на весь европейский континент. Птицы, проникшие в горы Европы, не имели возможности продолжительной изоляции, поэтому предок тетерева не смог образовать специализиро-

ванные альпийские формы в горах Южной и Восточной Европы. Примерно в это же время (конец плиоцена) предок кавказского тетерева мог попасть и на Кавказ. Наиболее вероятный путь проникновения – через интразональные кустарниково-лесные формации степных районов Западного и Центрального Предкавказья. Попад перед началом Агчагыльской трансгрессии Каспийского моря на Кавказ, предковая форма кавказского тетерева очень скоро оказалась изолированной от основного ареала Кумо-Маньчским проливом как минимум на несколько десятков тысяч лет. Этого времени, с учётом дальнейшего проникновения тетерева в относительно невысокие тогда ещё горы, вероятно, было достаточно для образования специализированного вида.

Во вторую половину агчагыла климат на Центральном Кавказе был семиаридный, а в горах более холодный гумидный. К северу от Маньча, в Поволжье, среднеплиоценовая саванна под влиянием похолодания сменяется степью (Синицын 1965 – цит. по: Галушко 1976). В дополнение можно привести мнение автора более новой работы о крупных млекопитающих позднего плиоцена Северо-Восточного Приазовья В.Н.Титова (2008) о событиях того времени по перестройке биоценозов южной части Палеарктики: «... на начало позднего плиоцена (около 2.6 млн л. н.) приходится максимум второй волны плиоценового глобального похолодания, сопровождавшегося аридизацией в области евразийских ландшафтов открытого типа (ссылка на: Борзенкова 1992). Именно с этого времени можно говорить о превращении «саванноподобных» евразийских ландшафтов в настоящие степные и лесостепные (ссылка на: Невеская и др. 1987б). В дальнейшем происходит постепенное прогрессирующее нарастание аридности климата. В течение позднего плиоцена выделяется несколько фаз климатических изменений, заключавшихся в чередовании кратковременных периодов потепления и увеличения влажности, сопровождавшихся сукцессией лесостепей, с периодами похолодания, приводивших к усилению аридности климата (ссылки на: Suc 1984; Топачевский и др. 1987; Невеская и др. 1987б; Зубаков 1990; Борзенкова 1992)».

Интересно, что после нескольких ссылок на разные работы Р.Л.Потапов и сам признаёт: «Вообще же, как сейчас выясняется, палеогеография всего Предкавказья, от Чёрного до Каспийского морей, была очень сложной, и мнения специалистов по этому поводу до сих пор достаточно противоречивы. Явно морские отложения агчагыльской трансгрессии переслаиваются в разных комбинациях с озёрно-болотными, речными и континентальными слоями. Южные окраины Восточно-Европейской платформы то соединялись с холмистыми предгорьями Кавказа, то разъединялись морем (ссылки на: Гричук 1954; Завьялов и др. 2002; Зубаков, Борзенкова 1983; Москвитин 1962; Синицын 1962; Чередниченко 1992). И если севернее, в лесной зоне Восточной Европы,

принявшей к концу плиоцена облик, близкий к современному, в принципе могли появиться тетеревиные птицы, то южнее, в лесостепном и степном поясах условия для их жизни были явно не подходящими. Эти открытые пространства населяли представители тираспольской фауны (слоны, жирафы, носороги, страусы и т.п.), сохранявшей ещё многие черты, свойственные ныне фауне африканских саванн, адаптированной к аридному и жаркому климату. Есть здесь находки и других птиц, кроме страусов – это дрофы, стрепеты, куропатки, журавли (ссылка на: Завьялов и др. 2002), но никаких тетеревиных птиц не встречено, что и не удивительно. Обстановка такого рода никак не могла быть благоприятной для тетеревиной птицы, адаптированной изначально к холодному, резко выраженному сезонному климату и теряющей все свои эволюционно выработанные преимущества в условиях отсутствия холодного сезона (зимы). Это уже доказано автором настоящего сообщения (Потапов 1974, 1985; Potapov 1992) и возражений до сих пор не вызывало».

В этой связи сошлёмся на более раннюю работу этого автора (Потапов 1985), где он пишет: «Примечательно, что наибольшее число примитивных черт в окраске сохранилось у лесостепной казахстанско-южносибирской формы *Lyrurus tetrrix viridanus*. Это в какой-то степени помогает представить условия, в которых проходили начальные этапы эволюции этого вида».

Если это так, то возникает вопрос, каким образом у «западнопалеарктического» вида наиболее примитивные черты сохранились у форм, населяющих восточную Палеарктику? Кстати, лесостепной тетерев примечателен и особенностями образа жизни и выбора местообитаний. По руслу рек он проникает далеко в степь и даже полупустыни! Так, в песках Тусума он живёт в зарослях джигды, в окружении типичной полупустыни с авдоткой и джеком. Это свойственно и другому подвиду – тяньшанскому полевому тетереву *Lyrurus tetrrix mongolicus*. Эта форма точно так же по кустарниковым зарослям речных пойм проникает в полупустыни и пустыни (Гаврин и др. 1962; Сушкин 1907; Селевин 1929 – цит. по: Потапов 1985).

Далее Р.Л.Потапов пишет следующее: «Во всяком случае, на данном этапе мы можем констатировать появление *L. tetrrix* уже в верхнем плиоцене, а не в середине плейстоцена, как принимает Г.С.Джамирзоев. В среднем же плейстоцене костные остатки тетерева представлены уже достаточно широко – от Франции до Западной Украины, а из Франции описан даже ископаемый подвид *L. tetrrix longipes* Mourgèr-Chauvire, 1975, из слоёв, образовавшихся 550 тыс. лет назад. Восточнее же Западной Украины находок тетерева нет вплоть до верхнего плейстоцена. Наиболее ранняя для Восточной Палеарктики находка на сегодняшний день – это обнаружение тетерева в слое № 17 Денисовой

пещеры (Горный Алтай), возраст которого – 70 тыс. лет (Деревянко и др. 1998; Пантелеев 2006). Этот факт следует иметь в виду сторонникам восточно-палеарктического происхождения рода *Lyrurus*».

Безусловно, цитируемым автором приводятся весомые аргументы, однако следует учитывать тот факт, что на территории Сибири и Дальнего Востока бесспорные домустье́рские памятники не известны (Праслов 1983). Если заселение северо-восточной Палеарктики гоминидами началось не ранее 100 тыс. лет назад, более ранним остаткам тетерева в культурных слоях там просто неоткуда взяться. Для предположения восточнопалеарктического происхождения рода *Lyrurus* не обязательно иметь сравнимые с Европой палеонтологические находки. В пользу восточнопалеарктического происхождения говорит наличие в Восточной Палеарктике, помимо номинативного, ещё 5 подвигов. В Европе, где, по мнению Р.Л.Потапова, находится прародина кавказского и полевого тетеревов, за исключением её северо-восточных окраин (Скандинавии и Англии, где обитает *L. t. britannicus*), в настоящее время встречается слабо отличающаяся от номинальной форма *L. tetrix juniperorum* (Потапов 1985). Но даже эта континентальная географическая раса не всеми признаётся (Михеев 1952; Snow, Perrins 1998). Если бы центр происхождения рода находился в Европе, логично было бы ожидать большего видового и подвигового разнообразия тетеревов именно в этой части Палеарктики. Как логично было бы ожидать и наличия, к примеру, в Альпах «горных» тетеревов. Но современное распространение по всей Европе всего лишь слабовыраженного подвида, не имеющего никаких признаков «горной птицы», затрудняет возможность допущения раннего присутствия здесь специализированных горных форм. Отнесение же Кавказа к Западной Палеарктике весьма условно, особенно Малого Кавказа, поэтому наличие на Кавказе эндемичного вида не может быть аргументом в пользу западно-палеарктического происхождения рода *Lyrurus*.

Мы уже писали ранее, и повторим. Лучшим способом подтверждения или опровержения предположений о вероятных путях формирования кавказского тетерева и рода *Lyrurus* в целом является проведение сравнительного анализа ДНК кавказского и полевого тетеревов по всему пространству ареала. Что мы и постараемся сделать в ближайшее время.

Самым главным недостатком нашей гипотезы, по мнению Р.Л.Потапова, «является игнорирование того факта, что субальпика возникла в горах Кавказа далеко не сразу. Она появилась здесь только после того, как горы достигли определённой высоты, что произошло никак не ранее второй половины нижнего плейстоцена» Но автор тут же подтверждает, что «позднеплиоценовое похолодание и продолжавшийся подъём гор привели к становлению здесь растительных поясов». Могу

только согласиться, что формирование поясности, в том числе и субальпийского пояса, на Северном Кавказе началось еще в плиоцене, как раз примерно в то время, когда и предполагается проникновение на Кавказ предковой формы кавказского тетерева.

Далее Р.Л.Потапов акцентирует внимание на проблеме лесного барьера для проникновения предковой формы в субальпику Кавказа: «Но для того, чтобы достигнуть эти только что возникающие биоценозы субальпики, предку тетерева необходимо было пробиваться через густейшие леса, к чему тетерев, с самого начала своей эволюции адаптировавшийся к равнинным лесостепным сообществам, явно не был способен, как не способен к этому и сейчас. В противном случае этот гипотетический пратетерев в процессе длительного продвижения через эти леса адаптировался бы прежде всего к ним, и необходимости превращения его в субальпийца просто бы не стало. А той ситуации, которую предположил Г.С.Джамирзоев, тех условий, при которых равнинная птица, адаптированная к лесостепному ландшафту, стала бы современным высокогорным видом, явно не существовало. Г.С.Джамирзоев считает, что со времени проникновения предка кавказского тетерева на Кавказ в долинах здесь было жарко и сухо, так что холодолюбивый предок мог жить только наверху, куда он успел поникнуть к данному времени, где и стал высокогорной птицей. На самом же деле есть чёткие свидетельства того, что в первую половину нижнего плейстоцена (1.7-1.0 млн. лет назад) климат Кавказа был действительно жарким, но влажным. Ни о какой сухости не могло быть и речи».

На самом деле аридизация климата Кавказа началась ещё в миоцене. Безусловно, это был не непрерывный процесс. Вот что пишет об этом А.И.Галушко (1976): «Изменение климата в сторону похолодания и усиления сухости в плиоцене и верхнем миоцене не было ровным и только нарастающим. Напротив, наблюдались чередования периодов с тёплым и влажным, с холодным и сухим, тёплым и сухим климатами. Факт таких чередований признаётся многими геологами и ботаниками. Некоторые даже видят в нём доказательство существования нескольких доплейстоценовых ледниковых эпох (Ковалевский 1927 – цит. по: Галушко 1976), а именно сарматского, верхнепонтического, верхнеагчагыльского и других оледенений. Хотя взгляды этих авторов оспариваются, однако они отчасти могут оказаться правильными. Отрицая наличие холодных периодов в плиоцене, трудно объяснить не только высокую степень бореализации всей флоры Кавказа, но и явную разновозрастность эндемичных криофильных видов Кавказа и Передней Азии, а также ступенчатость в гибели тургайских термофильных лесных элементов. Не вызывает сомнения и наличие чередующихся аридных эпох, хотя о них в северокавказской флоре никаких данных не сохранилось. Причина – невозможность захоронения растительных

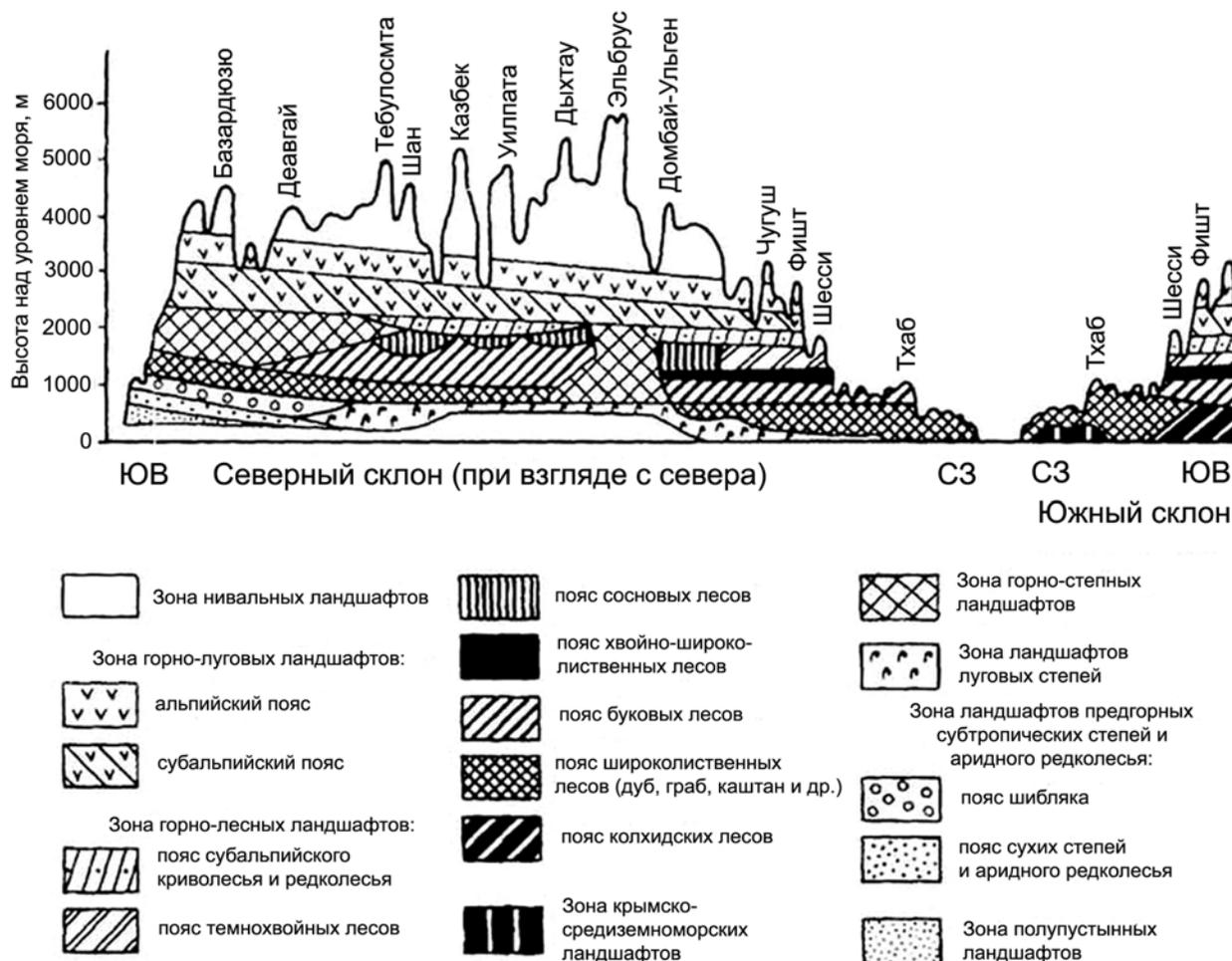
остатков в условиях аридного климата». О картине растительного покрова Северного Кавказа на границе плиоцена и плейстоцена на Центральном Кавказе, по мнению А.И.Галушко (1976) «можно судить по отложениям пыльцы в низах Тарского торфяника, исследованного И.И.Тумаджановым (1955). Здесь обнаружен целый комплекс видов, который может охарактеризовать флору Центрального Кавказа как бореальную, возможно даже более бореальную, чем современная флора. Особенно обычными в предгорьях и среднегорьях Центрального Кавказа были сосна (до 61-70% пыльцы) и берёза... Ареалы современных видов и анализ тарского торфяника позволяют предположить, что высокогорный пояс в апшероне со всеми его особенностями имел не меньшее выражение, чем в наши дни, и соответственно была высокогорная растительность с альпийскими и субальпийскими лугами, коврами, зарослями кустарников».

Поэтому мы сочли вполне возможным предположить, что в таких условиях для предка кавказского тетерева не представлялось невозможным проникновение в субальпийскую зону уже к началу плейстоцена. Вопрос о лесном барьере имеет место быть, но следует иметь в виду, что на Кавказе выделяют несколько типов и вариантов современной поясности, различающихся между собой набором зон и поясов (Соколов, Темботов 1989), в том числе очень своеобразный Эльбрусский вариант, выделенный для района Пятигорье – Эльбрус. Его особенность состоит в том, что из поясности практически выпадают широколиственные леса, и остепненные горные луга (горно-степные ландшафты) сразу переходят в субальпийские луга (см. рисунок). Поэтому можно предположить, что и в прошлом леса не держали горные луга Северного Кавказа в непроходимом кольце, и они не представляли собой такого уж мощного барьера, по крайней мере, на Центральном Кавказе. А это, кстати, один из наиболее вероятных районов проникновения предка кавказского тетерева из Предкавказья на Большой Кавказ через Ставропольскую возвышенность.

Не стоит также забывать, что тетерев не так уж боится лесов. Места обитания тетерева в восточной Палеарктике, и в частности в Казахстане, исключительно разнообразны. На большей части Казахстана полевой тетерев живет на равнинах. В центральных районах региона распространение его приурочено к борovým массивам или лиственным лесам, главным образом по невысоким горным группам. И наконец, в восточных и юго-восточных районах Казахстана населяет предгорные и горные леса до верхней границы леса (Гаврин и др. 1962).

А вот растительность Средиземноморья, в том числе отрезка между Балканами и Малой Азией, большей частью третичная, и мало менялась в конце неогена и в четвертичном периоде. Это совершенно чуждый для тетерева тип растительности, представляющий для него не-

преодолимую экологическую преграду. Как раз таки при прохождении этого отрезка тетереву пришлось бы преодолевать барьер из жестколистных лесов средиземноморского типа.

Высотная поясность Большого Кавказа (www.geonature.ru).

В Малой Азии, по мнению Р.Л.Потапова, «в отличие от Северного Кавказа, субальпийские биоценозы в эти эпохи не изолировались лесами от открытых предгорных местообитаний. Именно такие ситуации и позволили предку кавказского тетерева сначала проникнуть в невысоко тогда располагавшуюся субальпику, а далее распространиться до Кавказа. Учитывая же длительность существования этих холодных эпох, вполне допустимо предположить проникновение по этим субальпийским экологическим каналам тех видов, которые уже были к ним адаптированы... Некоторых моих оппонентов удивляет, что кавказский тетерев не только не оставил нигде на этом малоазиатском пути своего распространения никаких следов, даже палеонтологических, но и своих потомков на Балканах».

Здесь также нужно кое-что уточнить. Отсутствие палеонтологических данных нас не удивляет, речь шла только о том, что до их обнаружения трудно предположить, что через Малую Азию на Кавказ про-

ник уже приспособленный к субальпийской зоне «горный» тетерев. Удивляет другое. Если, как полагает Р.Л.Потапов, тетерев сначала должен был выработать адаптации к условиям субальпийки в горах Южной Европы, а затем расселиться, то куда делись эти адаптированные к горам популяции тетерева? Горы Южной Европы вместе с поясом субальпийки остались на месте. Но в них в настоящее время живёт полевой тетерев, у которого нет признаков, отличающих его от равнинных птиц. Нам представляется маловероятным бесследное исчезновение сформировавшихся горных тетеревов Южной Европы, если таковые имели место быть.

Очень интересное отступление, с которым нельзя не согласиться, сделано в конце статьи Р.Л.Потапова: «... я хотел бы обратить внимание на то, что изучение кавказского тетерева ещё далеко не закончено. Даже распространение его в ряде областей Российской Федерации (Дагестан), в Азербайджане и Турции известно весьма приблизительно. Крайне мало данных о высотных границах его распространения, особенно о его нижних пределах, отсутствуют конкретные сведения о характере территориальных связей птиц, нет ещё ни одного исследования с использованием методик радиослежения и т.п. И, конечно же, по-прежнему крайне не хватает палеонтологических данных, что во многом зависит от степени интенсивности палеонтологических и археологических изысканий, особенно в Малой Азии. В не меньшей степени важен и учёт всех работ по изучению палеогеографической обстановки: рельефа, климата, растительности и животного мира вообще. Работы такого рода всё время появляются и во многом помогают прояснить целый ряд проблем, связанных с изучением генезиса как отдельных видов, так и целых фаун. А пока, на данном этапе, мы можем только предлагать определённые гипотезы, реальность которых может подтверждаться анализом имеющихся данных в указанных выше областях».

К вышесказанному можем лишь добавить, что о распространении кавказского тетерева в Дагестане в последние годы собраны новые сведения, но пока они не опубликованы, так как большей частью основаны на опросных данных охотников, егерей и инспекторов ООПТ, и нуждаются в проверке. В частности, это касается встреч кавказского тетерева на северных склонах Гимринского хребта, на границе предгорий и внутригорного Дагестана. Лет десять назад я имел честь общаться с Роальдом Леонидовичем Потаповым в музее Зоологического института РАН, и хотя мы не касались вопросов генезиса орнитофауны Кавказа, у нас состоялся очень интересный разговор по проблеме изучения современного распространения кавказского тетерева в Дагестане. Надеюсь, что эта публикация будет воспринята им как призыв к конструктивному диалогу.

Литература

- Гаврин В.Ф., Долгушин И.А., Корелов М.Н., Кузьмина М.А. 1962. Тетерев – *Lyrurus tetrrix* L. // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 405-416.
- Галушко А.И. 1976. Анализ флоры западной части Центрального Кавказа // *Флора Северного Кавказа и вопросы ее истории*. Ставрополь: 5-130.
- Дементьев Г.П. 1958. К вопросу об истории фауны птиц Советского Союза // *Учён. зап. Моск. ун-та* 197: 5-16.
- Джамирзоев Г.С. 2004. К вопросу о вероятных путях проникновения на Кавказ и истории формирования кавказского тетерева // *Материалы 6-й международной конф. по биологическому разнообразию Кавказа*. Нальчик: 99-102.
- Джамирзоев Г.С. 2009. О вероятных путях формирования на Кавказе эндемичного вида тетерева // *Орнитогеография Палеарктики: Современные проблемы и перспективы*. Махачкала: 236-239.
- Ильичёв В.Д., Карташев Н.Н., Шилов И.А. 1982. *Общая орнитология*. М.: 1-464.
- Квасов Д.Д. 1975. *Позднечетвертичная история крупных озёр и внутренних водоёмов Восточной Европы*. Л.: 1-278.
- Кузьмина М.А. 1959. Распространение куриных и некоторые вопросы истории этого отряда // *Тр. Ин-та зоол. АН КазССР* 10: 3-33.
- Кэрролл Р. 1993. *Палеонтология и эволюция позвоночных*. М., 2: 1-283.
- Михеев А.В. 1952. Род тетерев *Lyrurus* // *Птицы Советского Союза*. М., 4: 52-83.
- Монин А.С. 1979. *История климата*. Л.: 1-407.
- Потапов Р.Л. 1985. *Отряд Курообразные. Часть 2*. Л.: 1-638. (Фауна СССР. Птицы. Т. 3. Вып. 1).
- Потапов Р.Л. 2008. О времени и путях проникновения предка кавказского тетерева *Lyrurus mlokosiewiczi* на Кавказ // *Рус. орнитол. журн.* 17 (437): 1295-1307.
- Праслов Н.Д. 1984. Время и пути древнейшего заселения территории СССР человеком // *Палеолит СССР*. М.: 42-44.
- Соколов В.Е., Темботов А.К. 1989. *Млекопитающие Кавказа. Насекомоядные*. М.: 1-548.
- Титов В.В. 2008. *Крупные млекопитающие позднего плиоцена Северо-Восточного Приазовья*. Ростов-на-Дону: 1-264.
- Чепалыга А.Л. 1980. *Палеогеография и палеоэкология бассейнов Чёрного и Каспийского морей (Понто-Каспия) в плейстоцене*. Автореф. дис. ... докт. геогр. наук. М.: 1-46.
- Чепалыга А.Л. 1988. *Климатические события кайнозоя Паратетиса* // http://popovgeo.professorjournal.ru/c/document_library/get_file?p_l_id=22997&folderId=39571&name=D_LFE-1304.pdf
- Snow D.W., Perrins C.M. 1998. *The Birds of the Western Palearctic*. Concise Edition. Oxford Univ. Press: 1-1008.
- Wetmore A. 1959. Birds of the Pleistocene in North America // *Smithsonian Misc. Coll.* 138, 4: 1-24.

On the probable ways of penetration of an ancestral form of the Caucasian Black Grouse *Lyrurus mlokosiewiczi* to the Caucasus

G.S.Dzhamirzoev

Several years ago, studying the history of formation of endemic bird species in the Caucasus, we made an assumption on the Ciscaucasian way of occupying the Caucasus by an ancestral form of the Caucasian Black Grouse *Lyrurus mlokosiewiczi* and Eastern Palearctic origin of the species (Dzhamirzoev 2004, 2007), and about lesser probability for the formation of a specialized mountain form of the Black Grouse in Southern Europe and its further penetration to the Caucasus through Asia Minor as it had been supposed by R.L.Potapov (1985).

Higher probability of the Ciscaucasian way of occupation is proved by the fact that the Black Grouse *Lyrurus tetrrix* penetrated the same way to the Caucasus in historical times. It is shown that after first strong cold spells in late Pliocene – early Pleistocene the ancestor of the Caucasian Black Grouse had no insurmountable ecological barriers to penetrate from the north and Ciscaucasia to the Caucasus. An argument for a lesser probability of an initial formation of the mountain form in Southern Europe and its further penetration to the Caucasus through mountains of Asia Minor (Potapov 1985) is absence of any specialized mountain forms of the Black Grouse in mountains of Europe. A much higher morphological diversity of geographical races in Eastern Palearctic, compared to Europe, speaks in favour of Eastern Palearctic origin of the gender *Lyrurus*. To confirm or reject the assumptions on the possible ways of formation of the Caucasian Black Grouse and genus *Lyrurus* as a whole, it is planned a comparative DNA analysis of the *Lyrurus mlokosiewiczi* and *Lyrurus tetrrix* within the entire range of these species.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 868: 998-999

Туркестанский белый аист *Ciconia ciconia asiatica* в Бугуньском районе (Южный Казахстан)

С.Л.Скляренко, В.А.Морозов

Второе издание. Первая публикация в 1991*

В Бугуньском районе Чимкентской области в 1982 году осмотрено 5 гнёзд туркестанского белого аиста *Ciconia ciconia asiatica* (Severtzov, 1873): 1 – на столбе ЛЭП у оживлённой автодороги в село Коктобе (совхоз им. Хаджи-Мукана), 1 – в 5 км восточнее, во второй бригаде того же совхоза на тростниковой крыше нежилого дома, 3 – в первой бригаде (через 5 км), 2 – на тростниковых крышах домов, 1 – на столбе ЛЭП. В 1983 году в этом посёлке также гнездились 3 пары аистов (А.Шакирова, уст. сообщ.). Все посёлки находятся в долине реки Боролдай (между хребтами Каратау и Боролдайтау) с пашнями, лугами, разреженным тугаём вдоль реки, на удалении 1-1.5 км от неё.

Гнёзда массивные, из сучьев и веток. Диаметр построек 1.0-1.9 м, высота 0.5-1.4 м. Из опроса местных жителей выяснено, что прилетают аисты ежегодно в середине-конце марта. В 1982 году одна пара прилетела 14, другая 31 марта. В одном из гнёзд 24 апреля 1982 было 5 яиц, аисты насиживали их по очереди, летая кормиться на расстояние до

---

* Скляренко С.Л., Морозов В.А. 1991. Краткие сообщения о белом аисте [в Бугуньском районе] // *Редкие птицы и звери Казахстана*. Алма-Ата: 50-51.

1.5 км. В гнёздах 24-26 апреля птицы также насиживали яйца, в одном токовала одиночная птица. По опросным сведениям, в гнёздах бывает 3-5 птенцов. В одном в 1981 году было 4 птенца, в другом в 1980 – 5, в 1981 – 4. Аисты живут в этих посёлках издавна; в одном дворе около 40 лет, в другом – 20, в трёх других местах – 7, 3 и 2 года.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 868: 999-1000

Репродуктивные показатели садовой камышевки *Acrocephalus dumetorum* в городской и пригородной зонах Томска

Б.Д.Куранов

Второе издание. Первая публикация в 1986*

Наблюдения проведены в 1983-1985 годах в парках города Томска и примыкающих к нему разреженных берёзовых и осиново-берёзовых лесах. Прослежена судьба 52 гнёзд в городе и 69 – в пригороде.

В 39 гнёздах в городской зоне отложено 211 яиц, вылупилось 179 и вылетело 146 птенцов. В пригородной зоне в 51 гнезде отложено 268 яиц, вылупилось 221 и вылетело 149 птенцов. В городе успешность насиживания составила 84.8%, выкармливания – 81.6%, общая успешность размножения – 69.2%. В пригороде эти показатели составили, соответственно, 82.5, 67.4 и 55.6%. По последним двум показателям межпопуляционные различия статистически значимы.

В период насиживания в городе гибнет 15.3%, в пригороде – 19.8% яиц, на стадии выкармливания гибнет, соответственно, 18.4 и 29.9% птенцов. Основными факторами, снижающими успешность размножения в обеих зонах, является хищничество, неблагоприятные погодные условия и деятельность человека. Следующими по значимости причинами отхода яиц и птенцов служат: оставление кладок птицами (отмечено только в пригороде), эмбриональная смертность и гибель части выводка в период выкармливания. Влияние всех указанных факторов сильнее выражено за пределами города.

Доля успешных гнёзд в городской зоне составляет 72.9%, слётков на попытку размножения – 3.74, слётков на успешную попытку размножения – 5.09 ± 0.14 . В пригородной зоне эти показатели составляют

---

* Куранов Б.Д. 1986. Репродуктивные показатели садовой камышевки в городской и пригородной зонах // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 1: 348-349.

63.8%, 2.92 слётка на каждую и 4.41 ± 0.16 слётка на успешную попытку размножения. По последнему показателю различия статистически значимы. Городская популяция садовой камышевки находится в более благоприятных условиях по сравнению с пригородной.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 868: 1000

Залёт колпицы *Platalea leucorodia* в Павлодарское Прииртышье

А.О.Соломатин

Второе издание. Первая публикация в 1991*

В пойме Иртыша близ села Лебяжье в июне 1982 года наблюдали одиночную залётную колпицу *Platalea leucorodia*. Ранее залёты колпиц отмечались по Иртышу между Семипалатинском и Усть-Каменогорском (Хахлов, Селевин 1928; Долгушин 1960).

Литература

Долгушин И.А. 1960. *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 1: 1-469.

Хахлов В.А., Селевин В.А. 1928. Список птиц окрестностей Семипалатинска // *Uragus* 2 (7): 19-34.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 868: 1000-1001

Колпица *Platalea leucorodia* в низовьях Сырдарьи и Тургая

А.Н.Пославский

Второе издание. Первая публикация в 1991†

В низовьях Сырдарьи на обследованных озёрах колпица *Platalea leucorodia* не гнездится. В 1982 году 4 птицы встречены 18 мая на озере Малый Чумынколь; 22 мая – одна на прудах Косжарского рыбопи-

---

* Соломатин А.О. 1991. Краткие сообщения о колпице [в пойме Иртыша]

// *Редкие птицы и звери Казахстана*. Алма-Ата: 43.

† Пославский А.Н. 1991. Краткие сообщения о колпице [в низовьях Сырдарьи]

// *Редкие птицы и звери Казахстана*. Алма-Ата: 44.

томника, 23 мая днём там же видели ещё 2 птицы. В 1983 году в этом же районе утром 24 апреля наблюдали 7, вечером – ещё 2, 8 мая – 12 колпиц; все они летели на восток.

На Тургае из всех обследованных озёр только на озере Байтакколь найдена колония из 60 пар, располагавшаяся на наносах старого тростника. В ней 8 июля были оперённые птенцы на вылете и лётные молодые. Одиночные колпицы встречались и на других озёрах, но не более 1-2 особей за неделю.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 868: 1001

О гнездовании большого крохала *Mergus merganser* в среднем течении реки Ульбы (Западный Алтай)

Н.Н.Березовиков

Второе издание. Первая публикация в 2002*

Сведения о гнездовании большого крохала *Mergus merganser* на реке Ульбе (правый приток Иртыша) между Усть-Каменогорском и Риддером в литературе отсутствуют (Сушкин 1938; Долгушин 1962; Кузьмина 1953).

В тополево-ивово-берёзовой пойме Ульбы между сёлами Черемшанка и Зимовьё 19 августа 2002 мной встречен выводок из 3 плохо летающих молодых, доросших до размеров взрослых птиц, державшихся по галечниковому руслу реки.

Литература

Долгушин И.А. 1960. *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 1: 1-470.

Кузьмина М.А. 1953. Материалы по птицам Западного Алтая // *Тр. Ин-та зоол. АН КазССР* 2: 80-104.

Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии*. М.; Л., 1: 1-320.

---

* Березовиков Н.Н. 2002. О гнездовании большого крохала в среднем течении реки Ульбы (Западный Алтай) // *Каз. орнитол. бюл.* 2002: 96.